

МОДЕЛИ ЭКОНОМИЧЕСКОГО РОСТА В КОНТЕКСТЕ СОЦИАЛЬНО-ГУМАНИТАРНОГО ЗНАНИЯ

И.Н. СИЗЕМСКАЯ

Мне кажется, что мы бродим по темному лесу и не вполне понимаем, в каком направлении следует идти. Думаю, что нам необходимо как можно скорее обсудить это вместе. <...>

Такое обсуждение, на мой взгляд, не относится к числу тех, где можно разделить и «развести по разным углам» вопросы знания, этики и политики.

И. Валлерстайн

Экономические теории, моделирующие реальность, более чем какие-либо другие, развиваются в контексте цельного знания о социальном бытии. Этика, политология, психология, социология, философская антропология, эпистемология иногда в качестве составной части, иногда на правах методологии или способа интерпретации, определяют предмет, содержание, вектор развития экономического знания. Как известно, ни один из классиков последнего не был «чистым экономистом» ни по мировоззрению, ни по роду деятельности, ни по исследовательскому интересу. Достаточно вспомнить А. Смита, Д. Рикардо, К. Маркса, М. Вебера, С.Н. Булгакова, И.А. Ильина, М.М. Тугана-Барановского, из современников – И. Валлерстайна, В. Иноземцева, Дж. Гэлбрейта, К. Менгера, Л. Мизеса, Ф. Фридмена, Ф. Хайека, Й. Шумпетера. Всякие стремления к изоляционизму экономических теорий приводили к утрате ими эвристического потенциала, что неизбежно пагубно сказывалось на эффективности предлагаемых моделей даже в случае их жесткой ориентированности на решение чисто прикладных и сугубо «собственных» (финансово-экономических, корпоративно-хозяйственных и т.п.) задач.

Не в этом ли отрыве экономических моделей от концептов и идей современного социогуманитарного знания лежит (в том числе) причина переживаемого сегодня мирового кризиса? Во всяком случае, осмысление последнего подводит к выводу, что в сентябре 2008 г. в системно-кризисных формах подтвердился факт взаимосвязи экономики, нравственности, права и культуры, а вместе с этим тот факт, что теория хозяйства

не может быть ограничена его феноменологией, потому что за последней стоят общемировоззренческие смыслы, связанные с философской интерпретацией отношений человека с миром. Кризис выявил, что ни одна из моделей экономического развития не является самодостаточной в том смысле, что такая модель должна, во-первых, коррелировать со всеми идеями современного социального знания относительно нравственно-гуманистических оснований, целей и законов человеческого общежития, во-вторых, соотноситься с состоянием функционирующей системы образования, здравоохранения, правопорядка, распределения, общественного богатства, социального страхования. А этого о современных, как неолиберальных, так и неоконсервативных экономических теориях сказать, увы, нельзя.

В последние 70 лет экономические модели, сменявшие друг друга, отличались лишь большим или меньшим упованием на рынок (от «laissez faire» до признания значимости, если не тотального, то достаточно «масштабного», государственного регулирования), вынуждая экономику постоянно балансировать «на острие ножа», срываясь время от времени в пучину очередного кризиса. Практика показала, что дальнейшее развитие национальных и глобально-мировых экономических систем требует более многостороннего включения в экономическую деятельность социокультурных механизмов (институтов), в противном случае их движение будет осуществляться по отработанному кругу. Впрочем, эта связь заложена в основание любой социальной системы.

Как справедливо отмечает Валлерстайн, «каждая социальная система обязательно имеет в своем распоряжении различные институты, которые направляют или сдерживают общественные действия таким образом, чтобы по мере возможности обеспечивалась реализация основных принципов системы. <...> Мы можем, если пожелаем, назвать эти институты экономическими, политическими и социокультурными, однако эти обозначения неточны, поскольку все институты действуют методами, являющимися одновременно и политическими, и экономическими, и социокультурными, ибо в противном случае они оказались бы неэффективными»¹.

Для сегодняшних социальных систем взаимосвязь их институтов по «единому общекультурному основанию» есть не только сущностная, но и функциональная характеристика. В

полной мере это касается нашей системы хозяйствования, ведь, для нас мировой кризис финансовой системы наложился на общекультурный национальный, суть которого во многом лежит в несоответствии принятой модели экономики исторически складывавшимся культурным и политико-организационным основам хозяйствования, и уже как следствие этого – нынешнему технико-экономическому потенциалу мировой экономики.

Новое содержание экономической рациональности

Любая теоретическая модель является, как замечает Валлерстайн, своеобразными очками, адаптирующими человека к конструируемому им для жизни миру, а то, каким образом осуществляется ее онтологизация, зависит от выработанных на данный момент технологий, т.е. способов практического освоения мира, основанных на достижениях всей совокупности знаний, которыми располагает общество. Поэтому человек в качестве познающего субъекта и субъекта социальных трансформаций всегда имеет дело с неразрывным целым «система знаний о мире и сам мир», каждый из элементов которого внутренне, а порой и каузально, связаны, а «действенная интенция» любой теоретической модели определяется адекватностью включения ее в весь познавательный контекст, отражающий создаваемый и преобразуемый человеком мир.

Сегодня этот мир, историческая система, в которой мы живем, предстает в качестве предмета экономического знания в очевидном единстве многих измерений, далеко не исчерпываемых традиционными для него экономическими критериями практицизма и пользы. Экономический прогресс в наши дни осуществляется под прямым диктатом культурных и национальных ценностей, моральных норм, представлений о должном. Можно сказать, что духовная культура достаточно жестко интегрирована в экономическое пространство. Наиболее убедительно об этом свидетельствует связь экономики с образованием и наукой, выражающаяся в том, что стал экономически востребованным высокий уровень профессиональной подготовки кадров, что образование становится своеобразной отраслью экономики, что ускоренными темпами растет экономическая отдача науки и численность занятых в ее сфере. Не случайно производственные разработки составляют значительную часть всех научных исследований, образуя с производством единое целое «наука-техника-производство», ни один элемент

которого не может функционировать, не опираясь на два других. Экономическая рациональность предстает как переплетение разных составляющих – прибыли, рынка, с одной стороны, и – научного знания, профессиональной компетенции, социальной справедливости, моральной ответственности, с другой. Если использовать терминологию М. Вебера, можно говорить о наметившемся переходе от «формальной рациональности», характеризующейся мерой технически возможного для хозяйства и действительно применяемого расчета при общем следовании принципу «максимум прибыли при минимуме затрат», к «сущностной рациональности». Последняя характеризуется степенью, в какой обеспечение жизненными благами достигается с учетом духовно-ценностных ориентаций (постулатов) и требует при выборе методов достижения целей принимать во внимание нормы, выходящие за пределы непосредственно хозяйственной деятельности. Эти нормы позволяют оценить «дух» хозяйственной деятельности и ее инструментов, заставляют признать, что рациональность только тогда и является действительно рациональностью, когда основана на совместимости расчета с моралью и гуманистическими идеалами, в том числе с идеалами социальной справедливости и равенства. Правда, если говорить о сегодняшней ситуации, как она реализуется в большинстве случаев, то приходится согласиться, что целесообразность денежных расчетов часто берет верх как наиболее адекватная ближайшим целям хозяйствующего субъекта. В силе остается правило, охарактеризованное А.И. Неклесса: «То произведено, что продано, то капитал, что котируется на рынке, а бытие определяется правом кредита»². Поэтому подход к экономической деятельности с позиций сущностной рациональности, ценностно обусловленной цели хозяйственной практики, утверждает себя скорее в модусе должностования, нежели необходимости, выражая *культурный императив* экономического роста. Но и в таком качестве этот подход настолько значим для практики экономического моделирования, что заставляет исследователей признать: «...наше выживание зависит от того, сможем ли мы вернуть понятие сущностной рациональности в центр наших научных дискуссий»³.

Актуализация сущностной рациональности связана с новым качеством экономической системы – с ее переходом к неравновесному состоянию, обусловленному возросшей ролью субъективного фактора (информации, знания, творческого труда) в хозяйственной

деятельности, что выводит ее за рамки ньютоновского детерминизма, жесткой предопределенности. В такой ситуации ценностные «постулаты» более адекватно выражают вектор ее движения, требуя переосмысления понятий «рациональность», «экономическая эффективность», «экономический порядок», «социальное благо», ставя задачу единения различных областей гуманитарного знания, извлечения именно из этого интегрированного знания тех эпистемологических истин, на которых основано экономическое моделирование, выводя его за рамки поиска «простых формул» и «просчитываемых результатов».

Говоря об интеграции экономики и духовной жизни общества, нельзя не принимать во внимание тот факт, что ее следствием является изменение смыслового поля не только первой, но и второй. Происходит очевидная коммерциализация всей культурной сферы, сопровождающаяся включением духовного творчества в рынок услуг, легитимацией нацеленности его на утилитаризм. На этом фоне поведение человека и обширная сеть его взаимодействий все более регулируется принципами, применимыми к рыночным законам. Иными словами, сегодняшняя культурная матрица в значительной мере встроена в рыночные отношения. Результатом этого является тот, еще более тревожный, нежели нарастание процесса коммерциализации, факт, что последний сопровождается укоренением и масштабным ростом тенденции к охлократизации⁴. Ее развитие грозит человечеству возвратом в «новое средневековье» — с ноутбуками и мобильниками при засилье людской массы с чрезвычайно низкими интеллектуальными и культурными запросами⁵, что в перспективе таит для него угрозу «культурной комы».

Для нашей страны падение интеллектуального и культурного потенциала имеет свой аспект актуальности. Мы говорим, что нам нужны новые технологии и что они должны производиться в нашей стране, а не покупаться за границей. Но даже сейчас, в условиях промышленного спада и растущей безработицы, современные производства сталкиваются с острой нехваткой работников высокой квалификации, способных освоить такие технологии. Нам остро не хватает «профи» в производстве. Вот объясняющая этот факт статистика: только 1% обучающихся в вузах страны — это студенты естественных факультетов. Подавляющая часть молодежи ориентирована на работу менеджерами, юристами, финансистами, что в значительной степени связано со сложившейся в начале 90-х годов практикой более высокой оплаты этих видов труда. Как выйти из этого противоречия? Очевидно, что нужно менять и на уровне государственной политики и на уровне индивидуального поведения отношение к образованию,

что для технологического рывка недостаточно одних только запасов углеводородов – нужны кадры. Наша система образования в ее сегодняшнем виде к ответу на этот вызов не готова. Еще в большей степени не готово к ответу на этот вызов государство, по-прежнему не осознавшее на деле, что соответствующая требованиям времени подготовка кадров предполагает финансовые вложения не по «остаточному принципу». И вот снова статистика: доля расходов на образование в России тяготела в последнее время к уровню 3,5% ВВП, в то время как в развитых странах этот показатель составляет 7% (в Финляндии, которая выходит на первое место в Европе по образовательному уровню – 8%). Не лучше обстоит дело и с финансированием научных исследований: доля расходов в ВВП, направленная на развитие науки в РФ, составляет порядка 0,6% (в США – 2,5%). Если в США совокупные расходы на науку достигают 300 млрд. долларов в год, то у нас они равны примерно 10 млрд. И результат соответствует затратам: по производству высокотехнологичной наукоемкой продукции страна отстает от США в 120 раз. Если в развитых странах от 75% до 90% прироста ВВП обеспечивается за счет высокотехнологичного наукоемкого производства, то в России – не более 10%.⁶ Наша доля на мировом рынке этой продукции не превышает 0,5% (США – 31%, Германии – 16%, Китая – 6%). Напомню, что 15 лет назад на долю Советского Союза приходилось 18% этой продукции.

Не принимать в должной мере во внимание на уровне государственной политики тот факт, что развитие современной экономики находится в жесткой зависимости от сферы науки, знания, образования, что, к сожалению, пока имеет место в нашей хозяйственной практике, нельзя. Во-первых, в этой сфере у нас очень долгие положительные традиции, пренебрегать которыми просто не разумно, а во-вторых, наука и образование в финансовом отношении в нашей экономической структуре пока остаются не самодостаточными. Брошенные в начале 90-х годов в океан рыночных отношений они приспособились к их стихии, как могли, и в целом не безуспешно в том смысле, что все-таки выжили. Но время экспериментов прошло, государство просто обязано найти возможности поддерживать их более эффективными средствами.

Два подхода в интерпретации социокультурных смыслов экономической жизни общества

В последнее время в отечественном экономическом знании наметились два подхода в интерпретации социокультурных смыслов экономической жизнедеятельности: один концептуализируется через категорию «философия хозяйства», дру-

гой – через категорию «философия экономики», за которыми стоит определенное различие в истолковании способов философско-экономического анализа экономической реальности⁷. Интерес к смысловой нагрузке этих категорий, с одной стороны, отражает отмеченное выше воздействие на экономическую жизнь общества разнообразных факторов культурной практики и необходимость осознания этого в социально-философской парадигме, с другой стороны, выражает тягу к давней традиции отечественной мысли как философской (Вл. Соловьев, С.Л. Франк, Н.А. Бердяев⁸), так и экономической (С.Н. Булгаков, М.М. Туган-Барановский⁹). Названные понятия фиксируют по сути одну и ту же проблему: как учесть социально-культурные параметры хозяйственной практики. Правда, интерпретируют они ее сообразно своему толкованию природы экономической деятельности и предмета экономического знания.

«Философия экономики» понимается и как особый вид философского знания (по аналогии с «философией религии», «философией истории» и т.п.), и как междисциплинарное знание, и как философская методология, и как современный вариант политической экономии, например, «этическая экономия» в трактовке немецкого исследователя П. Козловски¹⁰. Сама категория «философия экономики» своими теоретическими истоками уходит в английскую политическую экономию, в центре которой была философская теория рынка, а сегодня – дополняющая ее идея социального рыночного государства, использующая антропологические допущения в виде разнообразных моделей экономического поведения и обосновывающая мысль о том, что максимизация целевой функции, ориентированной на полезность, является главной установкой человека труда. Приверженность этому принципу в истолковании целей и задач экономической деятельности сама по себе не исключает признания его относительности, что в ряде случаев и имеет место: в разнообразных теоретических построениях смысл целевой функции предпринимательства «подправляется» учетом культурных измерений хозяйствования, а на уровне индивидуального поведения – мотивов духовно-нравственного порядка.

Одновременно с моделью «homo economicus» как «рационального максимизатора полезности» допускаются другие («подправленные») модели. Таков, например, «*институциональный человек*», в мотивации поведения которого вместе с желанием обеспечить максимальный успех при минимальных затратах, присутствует устремление упрочить

свой статус в обществе. С «институциональным человеком» соседствует «самореализующийся человек» как стремящийся к соответствию содержания своей профессиональной деятельности собственным природным наклонностям и дарованиям, ценящий в ней возможности для личностного развития. Можно назвать как конкурентно соразную модель поведения «креативного человека», устремления которого связаны с потребностью утвердиться в статусе творческого человека, стремящегося к признанию своего интеллектуального превосходства и на этой основе к лидерству, к карьерному росту.

Социология, психология, политология, исходя из общих антропологических оснований, конструируют свои модели поведения, которые, оставляя место для экономического интереса, расширяют мотивационное пространство работника. Их разработки в этой области учитываются в рамках «философии экономики». Поэтому названные модели, сохраняя «рыночную составляющую», адекватно (в большей или меньшей степени) вписываются в существующую систему товарно-денежного обмена. Примечательны они тем, что свидетельствуют о расширении границ мотивации, о дополнении ее устремлениями культурного порядка (Правда, соответственно, и о наполнении последних экономическим содержанием.) Поэтому границы онтологизации «экономического человека» раздвигаются настолько, что фактически выходят за пределы экономики, которая, в свою очередь, начинает позиционировать себя по отношению к другим социальным средам в модусе паритетного взаимодействия.

Иными словами, хотя очевидно, что современная экономическая теория, стоящая за концептом «философия экономики», дистанцировалась от других социальных наук, тем не менее, она не является по отношению к ним замкнутой в себе областью знания. Для нашего рассмотрения проблемы этот факт имеет принципиальное значение: он свидетельствует о достаточной открытости «философии экономики» для включения в ее предмет социокультурных институтов, функционирующих в «связке» с хозяйственно-рыночной практикой, и, соответственно, о ее интересе к проблематике, находящейся традиционно в компетенции социальной философии. Но в наибольшей степени обращенность к социально-философскому знанию нашла выражение в интерпретациях, связанных с концептом «философия хозяйства».

«Философия хозяйства» ориентирована на осмысление духовно-культурных измерений экономической жизни, выходя-

щих за рамки рыночных структур и отношений. Несомненно, и само понятие, и стоящие за ним вопросы отражают во многом специфику традиции, связанной с исследованием С.Н. Булгакова «Философия хозяйства». Это исследование уходило своими корнями в немецкую историческую школу в политической экономии (Г. Шмоллер, М. Вебер, В. Зомбарт), в рамках которой экономическая теория интерпретировалась как наука о человеке, о духе и культуре, а экономический порядок — как опирающийся на духовно-нравственные и исторические традиции народа. Булгаковское исследование ставило задачу создания целостной теории хозяйства, включающей систему культурных (этических и религиозных) оснований человеческой деятельности в качестве ее структурного элемента (в сжатой форме эта методологическая установка была сформулирована и разъяснена им в статье «Народное хозяйство и религиозная личность»). В контексте такой интерпретации хозяйственной деятельности экономика предстает как культура в ее специфическом бытии. «Хозяйство, понятое достаточно широко, не есть подъяремная работа скота, но творческая деятельность разумных существ, необходимо осуществляющих в ней свои индивидуальные начала», — убежден был Булгаков¹¹. Индивидуальности же присуще стремление к свободе, которая в своей сути есть творчество. Вот почему хозяйство — это сфера культурного творчества, а сама культура необходимо имеет «хозяйственную подоснову». Бесспорно, исследование философа отражало те новые тенденции в развитии экономической реальности, которые были вызваны к жизни развитием человеческой цивилизации. «Я не сомневаюсь, — писал он в «Предисловии» к своему труду, — в огромном значении самой проблемы, которой, я убежден, должен принадлежать, если не сегодняшний, то завтрашний день в философии. Понять мир как объект трудового хозяйственного воздействия есть очередная задача, к которой одинаково ведет и экономизм, и критицизм, и прагматизм, и мистицизм»¹².

Развитие капитализма, демонстрировавшее уже во времена Булгакова усиление значимости в жизнедеятельности общества научного знания, нравственно-религиозных ценностей и культуры в целом подталкивало к интерпретации экономической жизни общества с позиций философского подхода. Обращение к проблемам развития хозяйственной сферы с позиций научного знания (научной организации труда) требовало вы-

хода за рамки ее узко экономической трактовки, учета переплетения в экономической матрице разных составляющих: прибыли, нормы эксплуатации, рынка и – свободы, социальной справедливости, моральной ответственности. Такое обращение исходило из признания взаимодополняемости этих составляющих, из допущения, что они являются факторами как функционирования, так и исторического движения общества, а значит и экономики. Эту ситуацию и сделал предметом своего исследования Булгаков. «Проблема философии хозяйства – о человеке в природе и природе в человеке», – писал он. – И в соответствии с такой философской установкой рассматривал проблемы хозяйства «сразу в тройкой постановке: научно-эмпирической, трансцендентально-критической и метафизической»¹³.

В центре «философии хозяйства» Булгакова стоит учение о человеке, а основным вопросом, как он его сформулировал при защите своего исследования в качестве докторской диссертации в Московском Университете в 1912 г., является вопрос: «...есть ли хозяйство функция человека или человек есть функция хозяйства?»¹⁴. При этом вопрос о человеке поворачивался новой стороной: «...есть ли человек вещь, объект, истолкования которому нужно искать в безличном, тоже объективном мире вещей и механизме вещей, определяющем хозяйственный процесс, или же, наоборот, последний сам объясняется из природы хозяйственного субъекта, порождается его деятельностью, запечатлевается его субъективностью?»¹⁵. Булгаков привнес в толкование сути хозяйственной деятельности видение ее с позиций философски мыслящего исследователя. Его «философия хозяйства» разрабатывалась им, что важно не забывать сегодня, именно как *философская система* или, по крайней мере, говоря его словами, «прилеплась» к ней. На ее фронте, как он предупреждал, написано то самое изречение дельфийского оракула, к которому, считал Булгаков, не может не прислушиваться серьезное философствование: «Познай самого себя». В этом качестве, в отличие от построений немецкой исторической школы, «философия хозяйства» ставила не только проблемы хозяйства, но и проблемы экономической эпистемологии, решая их через соединение «трансцендентального идеализма с экономическим прагматизмом в учении о хозяйственной природе знания и о трансцендентальных (априорных) его основах <...> на почве центральной метафизической идеи – о челове-

честве как трансцендентальном субъекте хозяйства»¹⁶. На уровне эпистемологии, что важно отметить для нашего рассмотрения проблемы, она ставила вопрос о «сличении» общих положений экономической теории с соответствующими положениями социальных наук и связи между ними. Это ставило задачу, во-первых, выделить в учении о хозяйстве философский аспект, а во-вторых, наметить возможности выхода из «механико-материалистического тупика» для превращения политической экономии в «целостную философию хозяйства»¹⁷. Ставя такую задачу, Булгаков следовал укоренившейся в XIX в. в российской общественной мысли традиции следовать принципам «цельного знания» как единственно адекватно представляющего реальность и включающего в нее человека в качестве субъекта, конструирующего и познающего ее.

Правда, подход, имевший очевидные преимущества, таил в себе ловушку для экономических построений, связанных с теориями предельной полезности: рациональный, максимизирующий свою полезность индивид не встраивался должным образом в «философию хозяйства». Экстраполяция этой категории на всю сферу человеческого бытия растворяла специфику прикладной экономической проблематики в философском контексте. Поэтому экономическая теория представляла ущемленной в своих утилитарных измерениях. По мнению некоторых исследователей, те, кто сегодня продолжают линию Булгакова, воспроизводят эти ее «родовые черты». Но насколько это так — предмет отдельного разговора, который в компетенции представителей самого экономического знания.

Для нас интерес представляет следующий вопрос: если правомерно рассматривать современные проблемы экономического развития в философской, общегуманитарной, парадигме, то в чем состоит особенность связанного с ней подхода к экономической реальности? При такой постановке проблемы речь идет не о научном статусе категории «философия экономики» (как в равной степени и «философия хозяйства»), а об исследовательских возможностях и границах связанного с ней подхода. Этот подход делает предметом анализа *культурные измерения* экономической реальности, как присущие ей изначально, т.е. имеющие антропологический характер, так и те, что привносятся развитием последней и социокультурным прогрессом в целом. Иными словами, *речь идет не о проекции различных проявлений культуры на сферу хозяйства и рыночных отношений, а о рассмотрении экономической реальности в измерениях культуры* (свободы, творчества, развития личности). При

таким рассмотрением все явления хозяйственной жизни предстают имеющими социокультурные основания в виде духовно-нравственных норм, гуманистических ориентаций, национальных традиций, исторически сложившихся представлений о смысле жизни, добре и зле. Названный подход выводит экономическое моделирование за пределы рыночных структур и механизмов государственного регулирования. Нельзя не увидеть, что однажды он уже доказал свое преимущество в марксовом анализе капиталистической системы хозяйствования, в центре которого была концепция общественного производства как производства социальности. Суть концепции была определена Марксом предельно четко: «В качестве конечного результата общественного процесса производства всегда выступает само общество, т.е. сам человек в его общественных отношениях. <...> Здесь перед нами – их собственный постоянный процесс движения, в котором они обнаруживают самих себя в такой же мере, в какой они обновляют создаваемый ими мир богатства»¹⁸. Общественное производство (сфера хозяйственной деятельности) впервые предстала как сфера социального конструирования, и в этом смысле культурного творчества, реализующегося в виде процесса воспроизводства самого человека в качестве субъекта этого процесса¹⁹, совпадающего в конечном счете с человеческой историей. С некоторого времени этот подход совершенно несправедливо стал восприниматься, как не учитывающий в должной мере роль механизмов саморегулирования рынка и потому считался проявлением анахронизма в теории экономического моделирования. Сегодняшний кризис актуализировал исследовательские потенции, заложенные в марксистском анализе, обратив внимание исследователей на значимость для экономических моделей общекультурных оснований. Думаю, следование связанной с ним парадигме может придать экономическим теориям новый инновационный импульс, расширить границы их моделирующей функции. На возможные возражения, что названный подход был реализован Марксом более 150 лет назад, можно возразить словами И. Валлерстайна: «Старые теории никогда не умирают и обычно не исчезают бесследно. Они сначала притворяются погибшими, а затем мутируют»²⁰. Можно добавить, что и капитализм, претерпев значительные трансформации (превращение финансового капитала в огромный самодостаточный сектор, выполняющий роль управляющей подсистемы макро-

экономики, масштабность глобального виртуального капитала, многообразные формы посреднической деятельности и связанных с ней финансовых спекуляций, переразвитая сфера корпоративного управления и пр.²¹) тоже «притворился погибающим», не исчерпав своих исторических возможностей — он попросту мутировал. Поэтому принципы марксова анализа, «сработавшие» так успешно ранее, не утратили своего теоретического потенциала, хотя, конечно, прогресс социокультурного знания внес в них свои поправки, которые необходимо в полной мере учитывать. Во всяком случае, даже в качестве теоретической альтернативы существующим подходам он бесспорно содержит убедительные доводы в пользу «активизации» исследовательского интереса к нему. Не следует забывать о его интенции — *поиск не только истины, но и блага*. А уже одно это немаловажно для нашего времени.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ *Валлерстайн И.* Конец знакомого мира: Социология XXI века. — М., 2003. — С. 170.
- ² *Неклесса А.И.* Трансмутации истории // Вопросы философии. 2001. № 3. — С. 70.
- ³ *Валлерстайн И.* Конец знакомого мира. — С. 209.
- ⁴ См.: *Арнольди В.И.* Новый обскурантизм и российское просвещение. — М., 2003.
- ⁵ Вот пример: во французской армии 20 % солдат (в Англии — 13 %) не понимает письменных приказов, потому что, привыкнув получать информацию через «видеоряд», они впадают в недоумение перед текстом; в Калифорнии поступающих в университет просили на собеседовании разделить 111 на 3 (без калькулятора). Не все могли это сделать (см.: *Арнольди В.И.* Новый обскурантизм и российское просвещение. — С. 14).
- ⁶ Цит. по: Стратегия России: общество знаний и новое средневековье. — М., 2008. — С. 103.
- ⁷ См.: *Осипов Ю.М.* Курс философии хозяйства. — М., 2005; *Сорочайкин А.Н.* Философия экономики: В поисках новых подходов. — М., 2005; *Туган Л.А.* Философия хозяйства. Опыт духовного обновления. — М., 2003; *Человек в системе социально-экономических отношений.* — М., 2007; *Экономическая теория на пороге XXI века.* — СПб., 1996.
- ⁸ См.: *Соловьев Вл.* Оправдание добра. Нравственная философия // *Соловьев Вл.* Соч. В 2 т. Т. 1. — М., 1988; *Франк С.Л.* Духовные основы общества. — М., 1992; *Бердяев Н.А.* Философия неравенства. — М., 1990.
- ⁹ См.: *Булгаков С.Н.* Философия хозяйства. — М., 1990; *Туган-Барановский М.М.* Периодические промышленные кризисы. — М., 1997.

- ¹⁰ См.: *Козловски П.* Принципы этической экономики. – СПб., 1999. Козловски обосновывает идею, что хозяйственная деятельность не является самодостаточной и потому «трансцендирует в этику», а та в свою очередь – в религию.
- ¹¹ См.: *Булгаков С.Н.* Философия хозяйства. – С. 257.
- ¹² См. там же. – С. 3.
- ¹³ Там же. – С. 34.
- ¹⁴ Там же. – С. 257.
- ¹⁵ Там же. – С. 254.
- ¹⁶ Там же. – С. 257.
- ¹⁷ Там же. – С. 259.
- ¹⁸ *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 46. Ч. II. – С. 222.
- ¹⁹ См. об этом: *Сиземская И.Н.* Философская тайна общественного производства // *Философские науки.* 2008. № 2.
- ²⁰ *Валлерстайн И.* Конец знакомого мира... – С. 264.
- ²¹ См.: *Бузгалин А.В., Колганов А.И.* Глобальный капитал. – М., 2004.

Ключевые слова. Экономика, наука, образование, мораль, гуманистические ценности, экономический рост, рынок, философия экономики, философия хозяйства, экономическое моделирование.

Аннотация. В статье рассматривается проблема связи экономических моделей с социальным знанием и факторы, определяющие условия их онтологизации с учетом нравственно-гуманистических измерений экономического роста общества.